

Собака — эпизод 3 из 7

Комнатку он мне отвел, по знакомству, не из лучших; сам он помещался тут же за перегородкой а мне только этого и нужно. Однако принял я в те поры муки! Комнатка небольшая, жара, этта, духота, мухи, да какие-то клейкие; в углу киотище необыкновенный, с древнейшими образами; ризы на них тусклые да дутые; маслом так и разит, да еще какою-то специей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а из-под нее таракан бежит... я уж со скуки чаю до невероятности напился просто беда! Лег я; спать нет возможности а за перегородкой хозяин вздыхает, кряхтит, молитвы читает. Ну, однако, уgomонился, наконец. Слышу: похрапывать стал да так полегоньку, по-старомодному, вежливенько. Свечку-то я давно загасил только лампадка перед образами горит... Помеха, значит! Вот я возьми да встань тихохонько, на босу ногу; подмогнулся к лампадке да и дунул на нее... Ничего. Эге! думаю, знать, у чужих-то не берет... Да только что опустился на постель опять пошла тревога! И скребет, и чешет, и ушами хлопает... ну, как быть следует! Хорошо. Я лежу, жду, что будет? Слышу: просыпается старик. Барин, говорит, а барин? Что, мол? Это ты лампадку погасил? Да ответа моего не дождавшись, как залопочет вдруг: Что это? что это? собака? собака! Ах ты, никонианец окаянный! погоди, говорю, старик, браниться а ты лучше приди-ка сам сюда. Тут, я говорю, дела совершаются удивления достойные. Повозился старик за перегородкой и вошел ко мне со свечкой, тоненькой-претоненькой, из желтого воску; и удивился же я, на него глядячи! Сам весь шершавый, уши мохнатые, глаза злобные, как у хорька, на голове шапонька белая войлочная, борода по пояс, тоже белая, и жилет с медными пуговицами на рубахе, а на ногах меховые сапоги и пахнет от него можжевельником. Подошел он в этаким виде к образам, перекрестился три раза крестом двуперстным, лампадку засветил, опять перекрестился и, обернувшись ко мне, только хрюкнул: объясняй, мол! И тут я ему, нимало не медля, всё обстоятельно сообщил. Выслушал все мои объяснения старина и хоть бы словечко проронил: только знай головой потряхивает. Присел он потом, этта, ко мне на кровать и всё молчит. Чешет себе грудь, затылок и прочее и молчит. Что ж, говорю я, Федул Иванович, как ты полагаешь: наваждение это какое, что ли? Старик посмотрел на меня. Что выдумал! наваждение! Добро бы у тебя, табашника, а то здесь! Ты только то сообрази: что тут святости! Наваждения захотел! А коли это не наваждение так что же? Старик опять помолчал, спясть почесался и говорит наконец, да глухо так, потому усы в рот лезут: Ступай ты в град Белев. Окромя одного человека, тебе помочь некому. И живет сей человек в Белеве, из наших.

Захочет он тебе поспособствовать твое счастье; не захочет так тому и быть. А как мне его найти, человека сего? говорю я. Это мы тебя направить можем, говорит, а только какое это наваждение? Это есть явление, а либо знамение; да ты этого не постигнешь: не твоего полета. Ложись-ка теперь спать, с батюшкой со Христом; я ладанком покурю; а на утрие мы побеседуем. Утро, знаешь, вечера мудренее.

Ну-с, и побеседовали мы на утрие а только от этого от самого ладану я чуть не задохнулся. И дал мне старик наставление такого свойства: что, приехавши в Белев, пойти мне на площадь и во второй лавке направо спросить некоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась в клочке бумаги, на которой стояло следующее: Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Сергию Прохоровичу Первушину. Сему верь. Феодулий Иванович. А внизу: Капустки пришли, бога для.

Поблагодарил я старика да без дальнейших рассуждений велел заложить тарантас и отправился в Белев. Потому я так соображал: хотя, положим, от моего ночного посетителя мне большой печали нет, однако все-таки оно жутко, да и, наконец, не совсем прилично дворянину и офицеру как вы полагаете?

И неужели вы поехали в Белев? прошептал г. Финоплентов.

Прямо в Белев. Пошел я на площадь, спросил во второй лавке направо Прохорыча. Есть, мол, говорю, такой человек? Есть, говорят. А где живет? На Оке, за огородами. В чьем доме? В своем. Отправился я на Оку, отыскал его дом, т.е. в сущности не дом, а простую лачугу.